

Рытгали

Нургалиев

ВОСЕМЬ ГРАНЕЙ ТАЛАНТА ЖУМАТА ШАНИНА

(1892–1938)

Жумат Шанин – учитель первого поколения казахских драматических и оперных артистов.

Жумат Шанин – актёр, театральный критик, музыкант.

Жумат Шанин – драматург.

Все эти слова, множество раз прозвучавшие из уст знаменитых людей, – истина. Хотя творческое наследие Жумата Шанина не сохранилось в полном объёме, но следы его многосторонней деятельности всё ещё свежи в памяти: казахские драматические и оперные театры успешно развиваются и сегодня; воспитанные им артисты являются старейшинами искусства и в наши дни; спектакли, поставленные им, всё ещё идут на сценах; его критика и мнения, режиссёрские замыслы не были преданы забвению, его большие и маленькие пьесы всё ещё служат на благо искусства нашего народа.

Жумат Шанин родился в 1892 году в Баянауле – благодатном краю с прекрасной природой, богатой традициями искусства средней. Пуп его был резан в зимовье Каратал, притулившемся к подножью одного из множества отрогов гор Желтау, там же он и сносил свою младенческую рубашонку. У его деда Шана был старший брат Толыбай и младшие сестры Токбала и Жамиля. Толыбай, полностью прибрав к своим рукам небольшое наследство, оставшееся от их отца Кожамберды, напрочь оттолкнул от себя кроткого и смиренного младшего брата Шану, которому были чужды мелочность и крохоборство, и оставил его без своей поддержки.

Шана в основном пас чужой скот, тем и жил. Испытав враждебное к себе отношение не от чужих, а от собственного родного брата, долгие годы не мог он встать на ноги. Жил одиноким холостяком: в то время всё покупалось и продавалось за скот, и жениться, не имея за душой ничего, было почти невозможно.

Не сумев создать семью в молодости, Шана с трудом женился уже в зрелом возрасте. Его жену звали Кырмызы. Это была умная, рассудительная женщина, которая родилась в очень бедной семье, сызмальства испытала все тяготы жизни и в равной мере познала и голод, и сытость. Она привнесла в дом и семью достаток и благоденствие и стала уважаемым во всей округе человеком, за что её называли Большой байбише.

У Шаны от Кырмызы было пятеро сыновей: Мустафа, Курманбай, Тургынбай, Жургинбай и Нуршекей. Всем им несвойственны были леность и стяжательство.

Благодаря честному труду они стали достойными людьми, и каждый из них создал свою семью.

Дети Шаны были один другого мастеровитее и искуснее. Если Курманбай хорошо знал старые эпические сказания-жыры, словесное мастерство биев-судей, разбиравших тяжбы и решавших спорные вопросы по обычному праву казахов, обладал рассудительностью, здравомыслием и был непревзойдённым оратором, то Тургынбай, отец Жумата, был крепко сбитым, физически очень сильным прямым и честным человеком.

Живя в благодатном краю, среди дружной и сплочённой родни, Жумат рос смышлёным мальчиком и уже с малых лет познал многое. Ко всему прочему, он все ещё ощущал холодок отчуждения старой распри между Толыбаем и Шаной. Широкая степь, раскинувшаяся под снежным покровом, шествие кочевья на летовку-жайляу в конце весны, ближе к лету, когда начинают всходить травы, игры в асыки, аксюйек, алтыбакан, шильдехана, скачки, борьба – все эти многочисленные впечатления, полученные в ранние детские годы, оставили неизгладимый след в душе сына предгорий Жумата.

Крохотное поголовье скота не могло обеспечить семье достатка, и сыновья Шаны стали искать себе работу. Первым в открывшуюся в Шоптиколе шахту спустился Тургынбай. Но её вряд ли можно было назвать шахтой. Находясь глубоко под землёй по пояс в глинистой жиже и долбя кайлом породу, погибли многие молодые люди. Чёрное от грязи лицо отца, на котором сверкали одни лишь глаза, когда он с трясущимися от тяжести ногами выходил из глубокого, тёмного, как зиндан, колодца с огромным мешком за спиной, сильно напугало мальчика Жумата. Контраст между зелёным цветущим жайляу и тёмной, мрачной шахтой, как двумя противоположными впечатлениями, глубоко врезался в его память.

Пятеро братьев много лет проработали в невыносимых условиях за небольшую плату в шахте, но денег так и не накопили. В поисках заработка они приезжают в город Петропавловск (бывшая Кирьяковка). Один рубит дрова, другой строит дома, а самый сильный, сложенный как борец-палуан Тургынбай, привязав к спине седёлку, таскает на пристань грузы с пароходов. Наконец, подзаработав, приоделись-приобулись, купили десять волов и смастерили для каждой пары по повозке для перевозки грузов. Прежде казахи, если вдруг были обижены родными и близкими, предпочитали угнать у обидчика скот или откочевать куда-нибудь подальше, чем каждый день ругаться или лезть с кулаками друг на друга.

Когда старая привычка Толыбая притеснять своего брата обратилась в откровенную вражду, сыновья Шаны покинули родной Желтау и перебрались в Каржас, что на левом берегу Иртыша.

К тому времени Жумату исполнилось одиннадцать-двенадцать лет, он мог уже, как говорится, отличить левое от правого и обучился у ауального муллы арабской грамоте. На новом месте он впал в уныние, бесконечно тосковал по родным краям. На это было несколько причин.

В первую очередь, новая среда, по сравнению с вольной беззаботной жизнью в степи, сильно стесняла и сковывала его, а постоянная безвыездная осёдлая жизнь, лишённая романтики перемены мест, наводила на него смертельную скуку. В такие мгновения перед его глазами представляли незабываемые картины Кояндинской ярмарки, полные шумного веселья и интересных событий. Коянды? Так ведь это место неподалёку от Каратала, стоит перевалить всего лишь через один холм и

– готово! Люди с обострённым слухом, живущие в Каратале, утверждают, что в тихие дни слышали, как с ярмарки доносятся песни. Впервые на Кояндинскую ярмарку – этот многолюдный базар, песенно-музыкальный праздник, своего рода становище искусства в степи, площадь, куда приходят померяться силами батыры, а богатство и знатность свою показать – багланы, сливки общества, привёз Жумата ещё дед его Шана. Жумату, который с раскрытым ртом и закрытыми глазами, забыв о еде и обо всём на свете, заворожено слушал захватывающие рассказы песни, бархатное звучание домбровых кюев, Коянды казалась одним из самых чудесных уголков мира. С наступлением лета, когда открывалась ярмарка, он лишался покоя и сна: то поедет туда с кем-то, то все уши прожужжит домашним, чтобы его повезли туда, в общем, не успокаивался до тех пор, пока не закрывалась ярмарка. Оттуда, где звучали песни, демонстрировали силу батыры-силачи, состязались между собой борцы и где проходили скачки, маленького Жумата за уши невозможно было оттащить. Где же теперь тот радостный праздник?..

Хотя Тургынбай и был человеком живым, энергичным, умудрённым жизненным опытом, но не имел никаких склонностей к пению и игре на домбре. А вот из родни жены его Калии вышло много любителей искусства – певцов и домбристов. Видимо, Жумат очень сильно привязался к своему нагаши Алтыбаю, дяде по линии матери, не только как племянник, но и потому, что в нём рано проснулось страстное увлечение искусством. Где бы тот ни бывал, повсюду он непременно исполнял красивые таинственные кюи Таттимбета, лишённые шумного бречанья, и прекрасные приятные песни Биржана. Алтыбай научил племянника играть на домбре и исполнять песни... Но в родном ауле остались эти дорогие сердцу воспоминания и впечатления, которые на новом месте, в новой среде вызывали в душе мальчика Жумата щемящую тоску и ностальгию.

Детей Шаны не ждали лёгкие победы и дармовой доход. Всё доставалось в борьбе, в трудах, через преодоление препятствий.

Каржас, состоявший из восьмидесяти домов, называли Кривым аулом. Большинство его жителей были семижилными жатаками – оседлыми батраками, зарабатывавшими на пропитание потом и кровью. В их жизни не было места расслабленности и нерасторопности, присущей кочевникам-степнякам. Основным их занятием была рубка леса по берегам Иртыша, распилка брёвен на дрова и продажа их в городе Омске. Дети жатаков с раннего детства приучались к тяжёлой работе и росли крепкими и выносливыми.

Суровая жизнь заставила маленького Жумата повзрослеть раньше многих из его сверстников. Не успев вдоволь наскакаться на стригунке, наиграться в асыки и в аксүйек, он сгибался от груза тягот и забот, выпадающих на долю взрослых. Отец Жумата Тургынбай, заметив в сыне тягу более к слову, грамоте, нежели к физическому труду, решил дать ему образование.

Когда они вдвоём ездили в Омск продавать дрова, Жумат помаленьку начал осваивать русский язык и был уже в состоянии дать вполне вразумительный ответ на любой вопрос и спросить дорогу, если вдруг заблудился. В ауле Каржас Таненской волости Омского уезда он выучил русский алфавит у учителя-татарина и начал самостоятельно читать книги. Стал тесно общаться с жителями соседних русских посёлков. В 1913 году он устроился рабочим к землемеру, обмерявшему земли в геологоразведочных целях. Всё это значительно расширило кругозор юноши и способствовало формированию его характера.

Когда Жумату перевалило за двадцать, его уже перестала устраивать жизнь в ауле, стало тянуть в город. Омск, в котором он бывал наездами, когда ездил туда продавать дрова, манил-притягивал к себе, и Жумат решил там учиться.

Осенью 1913 года он окончательно приезжает в Омск, надеясь воплотить свою давнюю мечту – получить образование. Долгое время юноша не мог найти работу, а потому жил очень стеснённо, впроголодь, довольствуясь водой да чаем. Близких и родственников, у кого можно переночевать, в городе не было. Но он выдержал, во многом благодаря тому, что с детских пор познал нужду и невзгоды и выработал стойкий характер.

Видимо, городская жизнь заставила сына степей возмужать очень быстро. Нерадивости, нерасторопности и лени, присущих вольной степной жизни, здесь не место. Во все времена города отличались порядком и аккуратностью, жители его, как правило, шустрые, хваткие, образованные. Город – средоточие знаний, наук, искусства. Поэтому те, кто родился в степях и вырос на лоне девственно чистой природы, быстро привыкают к городской жизни и порой развиваются и совершенствуются быстрее, нежели коренные горожане. Детей степи отличает чувство ненасытной, неуёмной жажды к постижению наук, искусств, тяга к цивилизации.

В начале XX века Омск был одним из самых крупных городов царской России в Сибири. До революции здесь было три гимназии, два училища, кадетский корпус, семь неполных средних и двенадцать начальных школ, две больницы и один театр. Приличный очаг культуры. Но, с другой стороны, Фёдор Достоевский писал об этом городе: «Омск – гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный...»

Парень из аула жатаков, Жумат долго скитался в большом городе, испытывая трудности, пока не устроился рабочим на какой-то завод. Примирившись с тяжёлой работой, не приносившей никакого удовлетворения, привыкнув к рабочей среде, он стал думать о дальнейшей судьбе. Одарённый молодой человек хорошо понимал, что без знаний, профессии он далеко не пойдёт, поэтому, не тратя заработка на веселье и забавы, треть полученных денег отдавал русскому учителю и в свободное время брал у него уроки. Освоил получше русский язык, арифметику и другие предметы.

В эти годы в Омске получали образование в различных учебных заведениях немало молодых казахов, тянувшихся к знаниям. Так, в Омской учительской семинарии учились известные революционеры Сакен Сейфуллин и Нигмет Нурмаков. С ними Жумат общался очень тесно. Активно участвовал в работе молодёжной просветительской организации «Бірлік» («Единство»).

Вот что рассказывает драматург, старейший педагог Бекмухамед Серкебаев – отец народного артиста СССР Ермака Серкебаева, написавший несколько небольших пьес, которые ставились в двадцатые годы на концертно-развлекательных вечеринках: «Если мне не изменяет память, стояла зима то ли 1913, то ли 1914 года. Я жил на одной квартире вместе с Жуматом Шаниным. Хозяином дома был русский старик. Жумат был года на три-четыре старше меня. От того ли, что он и раньше бывал наездами в Омске, или отличался особенным усердием, но язык освоил довольно хорошо. Бодрый, собранный, как только придёт с работы, то сразу же берёт в руки какую-нибудь книгу. Меня удивило, что читал он не художественную литературу, а большей частью сборники пьес».

Если раньше Жумат увлекался казахскими песнями, кюями, играл на домбре и кобызе, то теперь в городе изучал европейское искусство. За короткое время он научился хорошо играть на мандолине и скрипке. По возможности старался не пропускать молодёжные вечеринки и танцы. Несмотря на то что на вечера в семинарии не пропускали без форменной одежды, Жумат проходил туда свободно.

Любимым местом стал для него городской театр. Видимо, он чувствовал некую внутреннюю связь сценического искусства с народными обычаями, посвящёнными выдаче девушек замуж, с шильдеханой – праздником в честь сорока дней со дня рождения ребёнка, с алтыбаканом – игрой на качелях, во время которой исполнялись песни и кюи, с айтысом – песенным состязанием акынов-импровизаторов.

Работая на заводе и одновременно занимаясь самообразованием, возмужавший Жумат летом 1915 года поступает на бухгалтерские курсы. Окончив их в 1916 году, он устраивается помощником главного бухгалтера на завод Машинского в Омске.

В течение трёх-четырёх лет он трудился в рабочем коллективе, охваченном революционным духом, много учился, находясь в духовных и культурных поисках, впитывал всё лучшее из того, что мог дать город, осмысливал – и постепенно становился одним из влиятельных людей в своей среде.

И тут в жизнь Жумата врывается чёрная буря Первой мировой войны. Измотанной и вконец обессиленной армии старой России крайне требовались свежие силы на фронте, и царским постановлением на военную службу были призваны инородцы, как тогда именовали представителей всех других народов, кроме русских. Это был кровавый, печально памятный казахам 1916 год. Если джигиты в степях, объединившись, сели на коней и подняли восстание, идя на врага – царских карателей с дубинками-соилами в руках, то их соплеменники, живущие в городах, не смогли обратить протест в серьёзное вооруженное выступление и смиренно ожидали своей участи.

Когда перед Жуматом, получившим на пути к своей мечте кое-какое образование, только начала открываться большая дорога жизни, он, попав в пресловутый чёрный список, в сентябре 1916 года был отправлен на передовую. Позади остались воспоминания босоногого детства... дорогие сердцу картины родной земли, где он появился на свет... Омск, где он прошёл этап своего личного становления, получил образование... друзья-приятели, родные и близкие, родители, братишки и сестрёнки, изобильная казахская степь с колышущимся на ветру морем ковыля... А впереди маячило неопределённое, туманное будущее, на грани жизни и смерти. Волосяной мост, протянутый над бездонной пропастью, по которому суждено пройти, – война.

Вместе с тысячами безусых казахских юнцов, не знавших прежде ничего, кроме своего аула, он отправился из Омска на передовую. Там они вошли наряду с представителями других народов в состав 12-й инженерной армии. Офицеры прогнившей насквозь и разваливающейся царской армии пытались через издевательства и притеснения выместить на них горечь своего позорного поражения. Они не только заставляли казахских парней в холодную промозглую осень по пояс в грязи рыть окопы, строить на морозе и под снегопадом защитные оборонительные укрепления, изнурая работой в невыносимых условиях, в рванье-дранье, голодных, холодных, почти без передышек от зари до темна, но при этом постоянно

издевались над ними, оскорбляли, уязвляя их национальное достоинство и честь. Чаша терпения доведённых до слёз от безысходного отчаянья людей переполнилась, и недовольный поначалу ропот на тайных собраниях постепенно перерос в осознанный протест и решительную борьбу за свои права. И вот грамотного Жумата, имевшего за плечами определенное образование, участвовавшего в стачках и митингах рабочих и прежде, хорошо владевшего русским языком, фронтовые товарищи избирают своим уполномоченным представителем.

Не в силах и дальше терпеть кроважадной жестокости и чинимого на глазах произвола, Жумат прилагает все усилия к тому, чтобы объединить товарищей, занятых в тыловых работах. Он становится самоотверженным борцом за справедливость и человечность. Тайно связавшись в обледенелых окопах и под смертельный свист пуль с русскими солдатами, он стал бороться вместе с ними за одну общую для всех них цель – обрести свободу. «Каким только за это побоям не подвергался я со стороны господ офицеров. Целыми неделями сидел один-одинёшенек в пустом, словно зиндан, холодном карцере. Там я и подорвал своё здоровье», – пишет в 1926 году Жумат в своей автобиографии (Центральный государственный архив КазССР, ф. 81, опись 1, дело 1835, папка 129, 7 стр.).

От неминуемой гибели фронтовых рабочих, изнурённых голодом, холодом, каторжной работой, спасла Февральская революция. Скопившиеся в душе гнев и ярость, доведённое до крайности чувство ущемлённого достоинства переполнили чашу терпения и в один день вылились в бунт. Каждый день стачки, каждый день митинги. Объятия побратавшихся русских и казахских парней... Революция расправляла свои крылья. Не было предела радости, когда на фронте узнали о том, что свергли царя. Жумата, проявившего себя отзывчивым и заботливым товарищем, представители инородческих народов в третий раз избирают своим законным депутатом. И снова борьба, и снова схватка.

В том же 1917 году казахские джигиты, оставив на чужбине могильные холмики своих погибших товарищей, возвращались в родимые края истощённые, изнурённые до предела, но со слезами радости на глазах, с бешено бьющимися от волнения сердцами, соскучившись по родным и близким, но духовно окрепшие, закалённые в огне классовой борьбы за социальную справедливость, полные решимости вынести тяжкое бремя нарушенной войной жизни. Среди них был и Жумат Шанин.

На родине произошло много перемен. Волна революции прокатилась по всей степи. Родня Жумата, вновь вернувшись в Желтау, освоила новое для себя занятие – хлебопашество: начала пахать землю и засеивать её злаками. Родители взяли под своё крыло отощавшего до кожи и костей и обессиленного сына, прошедшего огонь и воду и не раз смотревшего смерти в глаза, хотели, чтобы он был при них, наладил свою жизнь и помог им выбраться из нужды.

Оставив позади тяготы военных невзгод и обретя наконец свободу, молодой парень теперь хотел работать, пожить мирной жизнью и продолжить борьбу. С этим стремлением он дал объявление в газету «Сарыарка».

«Ищу место счетовода (бухгалтера). Готов работать в любой торговой конторе. Могу вести бухгалтерские книги и на казахском языке. Дорожные расходы за счёт нанимателя. Заинтересованных лиц прошу написать письмо о том, какое жалование они хотят установить для меня. Мой адрес: г. Павлодар, стан. Желтовская, Жумату Шанину» (газета «Сарыарка», отпечатанная в Семипалатинске, 5 сен-

тября 1917 года). Пусть это даже случайный, но интересный исторический факт. В том же номере газеты «Сарыарка» вышла первая статья «Женщина – основа человечности» великого Ауэзова, который в скором будущем познакомит весь цивилизованный мир с жизнью и бытом казахов.

Вскоре в том же 1917 году Жумат, приехав в город Каркаралинск, расположенный в ста километрах от родного аула, устраивается бухгалтером в уездный кооператив. Молодой парень, обладавший огромной тягой к искусству, впитывал богатые впечатления в краю, где издавна почитали песни и кюи и где ещё со времён гортанноголосого Казыбека сложилась целая школа ораторского искусства. Он душой и сердцем прикоснулся к неисчерпаемой, неиссякаемой народной сокровищнице. Юношеская мечта Жумата о создании казахского театра, который вобрал бы в себя ничем не замутированное искусство народных талантов и смешные рассказы остроловов, наполненные едким сарказмом, весёлым юмором, язвительной иронией и сатирой, от которых люди хохотали до слёз, стала обретать крылья.

Но, помимо духовного обогащения, Жумат мечтал также о женитьбе. Позже он связал себя узами брака с одной из первых казахских профессиональных актрис – Жанбике, ставшей ему верной и преданной супругой, уважаемой в обществе женщиной, решительной и смелой, выносившей на протяжении многих лет тяжесть жизненных невзгод и трудностей.

Мы видим, что многие из казахских писателей, активно участвовавших в двадцатые годы в общественной жизни страны, находились на государственной службе: революционное время не позволяло сидеть с ручкой в руках, а требовало, чтобы ты не оставался в стороне от борьбы, хочешь ты того или нет. Подобное происходило и в судьбе Жумата Шанина.

Пройдя суровую школу жизни, познав перипетии классовой борьбы, Жумат в апреле 1920 года вступает в ряды коммунистической партии. Как деятельный, исполнительный работник, в 1921 году он становится членом Павлодарского уездного комитета партии, а в 1922 году его избирают членом президиума того же парткома. Во время работы на таких ответственных постах раскрылись его организаторские способности и положительные черты характера, крайне необходимые для любого руководителя коллектива, – забота о подчинённых, сдержанность, инициативность, справедливость, честность, дальновидность.

Жумат, очень хорошо знавший изнутри все сложности быта казахского аула и приобретший навыки и опыт работы как авторитетный кадровый работник, по предложению Семипалатинского губернского комитета партии в марте 1922 года был избран председателем Зайсанского уездного исполкома. Здесь в непримиримой классовой борьбе той сложной, противоречивой эпохи потекли тревожные, горячие дни. Он вёл огромную работу по установлению Советской власти, воспитанию у местного населения революционной сознательности.

Ещё с детских лет Жумат живо увлёкся устным народным творчеством Зайсанского, Тарбагатайского и Алтайского краёв со множеством интересных легенд, преданий, сказок и сказаний, открывших перед ним всё своё удивительное богатство. Теперь, несмотря на своё высокое служебное положение, он сдружился с местными певцами, кюйши, акынами, кусбегии-сокольничьими, обучающими ловчих птиц, бапкерами – опытными тренерами, готовящими коней к скачкам.

палуанами-борцами. Порой он мог целыми днями напролёт слушать чьи-то песни, а иногда неделями сопровождал охотников. Впервые услышав из уст вышедшего из среды простого народа жырау Ержана сказание «Аркалык батыр», он записал его на бумагу, а позже на основе этого материала создал знаменитую трагедию «Аркалык батыр». В период жизни в Зайсане Жумат тесно общался со знаменитыми в тех краях акынами – Карибаем и Ботбаем и черпал из народной сокровищницы сюжеты и идеи для своих будущих пьес.

Поработав в восточных районах Казахстана, Жумат в конце 1923 года возвращается в Семей, где избирается членом губернского исполкома, работает председателем земельной комиссии, является членом КазЦИКа, становится делегатом X съезда Советов народных депутатов России. В апреле 1924 года его избрали членом губернского партийного комитета пятого созыва. С сентября 1925 по октябрь 1926 года Жумат работает заместителем заведующего Семипалатинского губернского управления Всесоюзного учреждения Кожсиндикат.

Действительно, вся эта работа требовала утомительного корпения над огромным количеством бумаг, большой самоотдачи, участия в многочасовых собраниях, частых выступлений, оперативного решения самых разнообразных проблем, отнимая много сил и являясь ответственной и тяжелой службой. Встречи с самыми разными людскими характерами и интересными судьбами, активное участие в делах государственной важности в значительной мере повлияли на его общественные взгляды, углубили его мировоззрение, сделали его истинным общественно-политическим деятелем, однако не дали возможности исполнить заветную мечту всей его жизни – работать в сфере искусства. Срочная, неотложная работа, связанная с различными периодическими кампаниями, оперативная служебная деятельность не позволяли выкроить для этого время.

Пользуясь небольшими передышками в службе, выкраивая время в период отпусков, Жумат изредка занимается творчеством: изучает проблемы театра – искусства, ещё не пустившего свои корни на казахской почве, и делает свои первые шаги в драматургии, не занявшей в казахской литературе своего места как жанр. В первом номере журнала «Тан» за 1925 год, выходившего в Семипалатинске, публикуется его одноактная пьеса «Плут Торсыкбай». В январе 1924 года на сцене городского клуба силами местной самодеятельности осуществляется постановка трагедии «Аркалык батыр», сюжет которой он привёз, как бесценное сокровище, из Зайсана. Он руководит художественной частью драматической труппы «Ес аймак», созданной в Семипалатинске в 1920 году. Под режиссурой Жумата ставятся пьесы Мухтара Ауэзова «Енлик – Кебек» и Сакена Сейфуллина «Красные соколы».

Добрая слава о Жумате как знатоке нового для степного края сценического искусства в течение короткого времени распространилась по республике. О его режиссёрском мастерстве узнал весь Казахстан.

Специальным постановлением комиссариата образования Жумата Шанина приглашают в Кызылорду. И с октября 1926 года он – директор и руководитель художественной части первого казахского театра. Таким образом, в свои тридцать с небольшим лет Жумат принимает самое активное и непосредственное участие в создании национального театра и становится его основоположником. Он воспитал целую плеяду талантливых казахских актёров. Спектакли У. Шекспира «Гамлет», А. С. Пушкина «Каменный гость» и «Скупой рыцарь», Б. Майлина

«Фронт», И. Жансугурова «Мечь» в его мастерских постановках завоёвывают сердца зрителей.

Рождение национального театра нашего народа, его первые шаги, первые этапы его развития и становления тесно связаны с именем Жумата Шанина. В создании репертуара, соответствующего велению эпохи, в тесном содружестве театра с драматургами, в воспитании талантливых актёров, их учёбе, в замечательных уроках режиссёрского мастерства – в решении всех этих вопросов он высказал веские мысли и воплотил много прекрасных идей и замыслов. Учитывая исторические заслуги в создании казахского театра, Жумату Шанину в 1931 году присвоили звание народного артиста республики.

В эти годы Жумат уверенно и свободно плывёт по реке искусства и уже устремляется к её далёким берегам. Режиссёрский талант его раскрывается в полной мере, и он полностью отдаётся драматургии. Написанные им пьесы ставятся в театре, многие из них публикуются в журналах и издаются отдельными книгами. Выходят в свет десятки статей, в которых рассказывается о становлении нашего национального театра, поднимаются проблемы драматургии и режиссуры.

Жумат свободно писал и на русском языке. Доказательством тому служат написанные им некоторые материалы: «О работе Казахского гостеатра» (1928), «К двухлетию Казахского театра» (1928), «Растет драматургия» (1934), «О работе над текстом» (1935) и другие.

Его режиссёрские постановки, такие как «Жалбыр» и «Кыз Жибек», познакомили мир с духовным богатством нашего народа. Во время декады казахского искусства в Москве режиссёрское мастерство Жумата очень высоко оценили – как местная публика, так и известные деятели искусства.

Шанин возглавил и художественную часть Киргизского государственного театра драмы, что явилось одной из ярких страниц давней дружбы двух братских народов.

Учитывая то обстоятельство, что в связи с открытием театров в областных центрах ощущалась острая нехватка профессиональных режиссёров, Жумат по приглашению Фрунзе отправляется в Уральск. Здесь он создаёт музыкально-драматический театр и работает там до 15 октября 1937 года.

Таковы яркие и заметные следы, оставленные Жуматом Шаниным в жизни. Могучий талант, возглавлявший новое молодое искусство целого народа, ушёл из жизни 26 февраля 1938 года.

* * *

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации...» – утверждал драматург А. Островский. Действительно, если взглянуть на историю культуры, то театр у каждого народа зарождается не на голом месте. Первые развлекательные вечера стали проходить на казахской земле задолго до революции. Их организовывали учащаяся молодёжь и любители искусства, хорошо знакомые с русским и татарским театрами. А после Октябрьской революции вопрос о создании казахского театра был поднят как проблема большой общественной значимости. В связи с этим на страницах газет и журналов публикуются проблемные статьи.

В своё время газета «Еңбекші қазақ» была очень компетентным, авторитетным, боевым, можно сказать, изданием, выносившим на суд общественности

весьма важные, злободневные темы. Так, в статье «Надо организовать казахских артистов» высказаны очень весомые мнения. «Не каждый человек может быть мастером... Для того, чтобы стать мастером, надо полностью отдаться своему делу. Для того, чтобы стать артистом, нужно иметь незаурядный талант», – утверждает автор. Высказываются пожелания, чтобы в разных краях создавались театры, чтобы привлечь к искусству целеустремлённую молодёжь, воспитывать и обучать искусству, перейти, наконец, от слов к делу («Еңбекші қазақ», 1925, 26 мая). Подпись – Тай. Это, по словам доктора филологических наук Темиргали Нуртазина, псевдоним Беимбета Майлина.

В статье «О национальном театре» Смагул Садвакасов рассказывает о любителях искусства, о лучших из них, выступавших на Кояндинской ярмарке. Он подробно останавливается на певческом искусстве Амре Кашаубаева, поэтическом мастерстве Исы Байзакова, артистическом таланте Серке Кожамкулова. Далее цитируем первую в печати оценку первого национального режиссёра: «Надо вспомнить о Жумате Шанине из Семипалатинска. Этот молодой человек старается ради театра изо всех сил. Когда Жумат находился в Зайсане, то он осуществил там первые свои неплохие сценические постановки. А когда Жумат прибыл в Семипалатинск, то и там стал ставить свои пьесы. Его книга “Аркалык батыр” весьма содержательная вещь». Появляются мнения о том, что в начальный период казахский театр должен быть универсальным и что надо собрать все творческие силы воедино («Еңбекші қазақ», 1925, 29 октября).

Следующий материал мы специально приводим полностью, так как это документ, имеющий особое значение для истории театра.

«Народный комиссариат просвещения Казахстана 28 октября организовал собрание работников народного просвещения, на котором обсудил проблемы создания казахского театра. До сих пор учащаяся и рабочая молодёжь стихийно выступала иногда в театральных инсценировках. Правительство берёт в свои руки создание Казахского театра.

Наш будущий театр должен стоять на службе интересов народа, чтобы театральные постановки могли понимать и неграмотные люди. Они должны стать мощным инструментом, призывающим к образованию и избавлению от вредных привычек, а не быть лишь только местом распространения политической агитации. Комиссариату просвещения поручено взяться за эту работу вплотную, открыть театр и привлечь туда нужных людей. В связи с тем, что пьес, написанных на казахском языке, слишком мало, и все они из-за многочисленных постановок потеряли интерес и актуальность, объявляется конкурс на лучшие пьесы. Народный комиссариат Казахстана выделяет для организации театра 40 тысяч рублей. Делаются все приготовления для открытия казахской театральной студии. Через отдел просвещения Семипалатинской губернии на работу в театр приглашены из Семипалатинской губернии 8 артистов: 1. Кашаубайулы Амре (певец); 2. Байзакулы Иса (акын); 3. Шанаулы Жумат (артист); 4. Мунайтпасулы Кажымукан (палуан); 5. Калыбек Куанышпайулы (артист); 6. Кусаин Муздыбайулы (артист); 7. Зарубай (владеет цирковым искусством); 8. Майра (певица).

На дорожные расходы им будет отправлено 1500 рублей. Ведётся отбор артистов из других губерний» («Еңбекші қазақ», 1925, 29 октября).

После проведения этих организационных работ самодеятельные артисты стали собираться в Кызылорде. В Центральном государственном архиве Казах-

ской ССР в фонде № 1148 сохранились редкие документы, связанные с историей драматического театра. Приказы, протоколы собраний, биографии. В приказе от 25 декабря 1925 года за подписью директора говорится о том, что в числе первых артистов на работу приняты Амре Кашаубаев и Иса Байзаков, в качестве главного режиссёра – Серке Кожамкулов, а также артисты Курманбек Жандарбеков, Елюбай Омирзаков, Абылкай Абдуллин, Рахим Иманбаев, Жанкия Манабаева.

В связи с семейными обстоятельствами Жумат Шанин прибывает в Кызылорду с большим опозданием, лишь следующей осенью. Начиная с 5 октября 1926 года он начинает работать директором и художественным руководителем первого казахского театра драмы. Ряд приказов, хранящихся в государственном архиве, написаны Жуматом арабской графикой.

Да, труд режиссёра уважаем и почётен. Он первый, кто начинает работу над созданием спектакля. Но этот труд, эта работа со временем не оставляет своего следа. Информация о сценических решениях поставленных Жуматом спектаклей, декорациях и музыке к ним ограничивается очень скуными и краткими рецензиями, опубликованными на страницах печати того времени, и отрывочными воспоминаниями доживших до наших дней старожилов, не всегда соответствующими нашим современным представлениям об игре актёров.

Если внимательно взглянуть на книгу приказов, то в них не только отмечено, кто принят на работу и кто уволен, но и встречаются интересные детали, из которых можно почерпнуть сведения о человеческих качествах Жумата Шанина, его режиссёрских замыслах и о внутренней жизни театра.

Жумат был очень требователен к соблюдению дисциплины в театре. Он жёстко боролся с такими пагубными пристрастиями, как пьянство и распутство. В одном из приказов 1927 года мы читаем такие слова: «Хотя исполнителю второстепенных ролей Мухамади Арыкулы уже высказывались устные замечания по поводу его появления в нетрезвом виде, но он продолжает постоянно приходить на работу пьяным и тем самым показывает другим артистам дурной пример. В связи с этим с сегодняшнего дня, 11 марта, он уволен из государственной труппы. Выдать ему расчёт за отработанные дни и неиспользованный отпуск». Это слова умного руководителя, который печётся о чести и репутации своего коллектива.

Творческий путь великого казахского певца Амре Кашаубаева, родившегося на территории совхоза «Кайнар» в Семипалатинской области, начинался на тоях и пирушках, в кумысхане. Оттуда в нём проявились такие наклонности, как распушенность и несдержанность, которые стали для певца настоящей трагедией. Дружба Жумата с Амре началась ещё на Кояндинской ярмарке и окрепла в Семипалатинске. Это была дружба, состоявшаяся благодаря любви к истинному искусству. Он постоянно защищал и поддерживал Амре, старался изо всех сил, чтобы принятый в театр певец не ступил на скользкую дорожку и не покатился по наклонной плоскости. Постоянно поучал, воспитывал его. Когда в 1934 году умер несчастный соловьиноголосый Амре, Жумат пишет жоктау – некролог и произносит на его могиле прощальные слова.

Немалое влияние оказал Жумат и на судьбу блестящего поэта-импровизатора Исы Байзакова. На правах старшего по возрасту и благодаря своему сдержанному, уравновешенному характеру он прощал шалости и грубые выходки акына, поощрял его успехи, скрывал недостатки. Никогда от него не отворачивался и

не разочаровывался в нём. Однажды уволив Ису из театра, Жумат тут же принял его обратно. Педагог с большой буквы, он проявил о талантливом поэте всестороннюю заботу.

В приказе, подписанном 20 мая 1927 года, мы читаем следующие строки: «В последнее время мы видим, как Жанасая Жамал приходит на репетиции с опозданием, особенно не заучивает свои роли и равнодушно относится к своим служебным обязанностям. В связи с этим она предупреждена, что если и в дальнейшем будет продолжать опаздывать на репетиции, не заучивать своих ролей и халатно относиться к своим обязанностям, то будет уволена». И не только это.

Жумат на дух не переносил инертность и халатность. Его кредо была дисциплина, требовательность, ответственность.

Вот как выглядело рабочее расписание артистов на неделю:

«1. Сценическое искусство. Шесть часов в неделю. Репетиции – 12 часов. Всего 18 часов. С 9-ти до 12-ти.

2. Теория музыки. Две группы. 4 часа в неделю. Воскресенье, вторник, четверг, пятница – с 12-ти до часу.

3. Сольфеджио. 2 часа в неделю. Понедельник, среда – с 12-ти до часу.

4. Прослушивание музыки. 1 час в неделю. Пятница – с часу до двух.

5. Урок пения. 7 часов в неделю. Понедельник, вторник, среда – с часу до трёх. Пятница – с двух до трёх.

6. Хор. 4 часа в неделю. Воскресенье, четверг – с часу до трёх.

7. Класс рояля. 2 часа в неделю. Вторник – с часу до двух. Пятница – с двух до трёх.

8. Класс скрипки. 2 часа в неделю. Понедельник, среда – с часу до двух» (ЦГА КазССР, ф. 1148, оп. 1, д. 2 (45), связка 1, с. 4–5).

Несколько фактов о том, в каком состоянии была материальная база театра.

«Театральный реквизит на 1926 год.

1. Конский хвост.	19. Перья филина – 2.
2. Деревянный тостаган (чашка) – 1.	20. Портреты артистов – 3.
3. Табак – 1.	21. Пиалы – 5.
4. Медная чашка – 3.	22. Браслет-блезик – 1.
5. Посеребрённый тостаган – 5.	23. Борода – 1.
6. Польские целковые монеты – 20.	24. Молоток – 1.
7. Монгольские парики – 6.	25. Женские тубетейки – 2.
8. Ведро – 1.	26. Мужские тубетейки – 2.
9. Нитки – 2,5 фунта.	27. Позументы, галуны – 15.
10. Маски – 3.	28. Коржын, переметная сума – 1.
11. Различные бутафорские вещи.	29. Чапаны (разные) – 4.
12. Кружки – 4.	30. Китайский костюм – 1.
13. Железные блины.	31. Каракулевая шапка-борик – 1.
14. Металлический таз – 1.	32. Пояса (разные) – 3.
15. Платок – 1.	33. Халаты (разные).
16. Алаша – 1.	34. Мужские сорочки (разные).
17. Сабля – 1.	35. Портрет Ленина.
18. Амфора – 2.	

Так закладывался фундамент современного академического театра.

Народный артист Казахской ССР Капан Бадыров утверждает: «Жумат написал книгу “История театра”» («Мәдениет және тұрмыс», 1967, № 6). Однако рукопись была утеряна, поэтому когда заходит речь о его режиссёрских замыслах, критических, эстетических мнениях, мы можем опираться лишь на отдельные его статьи и некоторые имеющиеся на руках документы.

В статье, опубликованной в номере газеты «Еңбекші қазақ» за 13 января 1927 года, Жумат пишет: «Работа, за которую взялся Казахский театр, предстоит большая, путь ему предстоит пройти долгий. Для того чтобы преодолеть этот путь, потребуются неутомимая туркменская скаковая лошадь. Нужна шуба, чтобы ветер тебя не продул, чтобы жара тебя не спалила. Нужен человек, считающий труд своим братом-близнецом, а ум – энергией, поддерживающей его. Казахский театр – только что оперившийся птенец, вылетевший со своего гнезда. Ему нужно иметь крылья, которые позволили бы долететь до цели. Он будет привязан, как малое дитя к родителям, до тех пор, пока не научится говорить осмысленно и не станет на ноги, он подобен беркуту с неокрепшими крыльями, который нуждается в заботе и внимании хозяина, пока у него не отрастут сильные крылья». Так образно он выразил мысль о том, что театральное искусство нуждается во всенародной заботе и государственной поддержке. Далее он говорит о первых казахских актёрах, об их успехах и предстоящих гастролях. Следуют замечания по поводу трудностей, вызванных нехваткой декораций и отсутствием необходимых реквизитов. Обо всём этом автор пишет, сдобрив статью шутками и юмором. Вместе со статьёй размещена и фотография Жумата.

Хорошей традицией стало ежегодно писать статьи, приуроченные ко дню рождения театра, в котором читателям рассказывали о достижениях и недостатках. В своей второй статье «Казахстанский государственный театр» Шанин подробно объясняет, что театр является классовым инструментом, одним из проявлений идеологии, оказывающей быстрое влияние на сознание народа. Он пишет: «Театральное дело очень деликатное, нежное, не терпит по отношению к себе давления. По сравнению с другими видами деятельности, если в нём допущены ошибки, упущения, то они не подлежат исправлению. Если на сцене всё разыгрывается правильно, то это правильно, а если неправильно, то неправильно. Если на сцене исполняется роль и ты неверно произнесёшь какую-то фразу, совершишь ошибку в речи, то уже не сможешь на месте поправиться и сказать: “Ойбай, оказывается, следует выразиться так”. Сцена не простит, если ты выйдешь на неё не с той стороны, а следом попытаешься объяснить, что надо было выйти с другой стороны. Сказал слово, совершил движение – событие уже произошло». Своеобразной особенностью сценического искусства является его краткость и доходчивость. Автор с гордостью заявляет о том, как со всей душой относятся к своей артистической службе такие актёры, как Калыбек, Серке, Курманбек, Елюбай, Иса, как они выросли в своём мастерстве. И первых казахских актрис, таких как Жанбике, Хадиша, Шарбан, Зура, Жумат взрастил в искусстве. В статье рассказывается и том, как театр даёт пример своим зрителям, воспитывает своих молодых актёров, даёт им музыкальное образование, учит нотной грамоте и игре на пианино.

Характеру настоящего таланта претит всяческое бахвальство, стремление показать всё слишком наигранно, преувеличенно, внешне эффектно, но без сути и смысла. Истинный художник верит только в свой кропотливый труд. К фальши

никто и прислушиваться не станет. Жумат Шанин на своём творческом пути смел и честен. Он первым говорит обо всех недостатках, имеющих место в работе театра.

В статье «Государственный театр» он продолжает писать о театре как о труппе. Особо останавливаясь на артистах, говорит взвешенно, конкретно и по-отечески мудро, что театр не место работы, не учреждение, где работают за деньги, чтобы прокормить себя, а место, где рождается творчество, дворец-орда искусства.

О казахских песнях он рассуждает весьма компетентно. Предупреждает об ответственности за то, чтобы не были потеряны жемчужины народной сокровищницы, о том, что здесь недопустимо местничество, разделение на края, рода и племена, а всё должно быть собрано воедино. Выражает огорчение по поводу того, что не записаны тексты собранных Затаевичем песен.

Мы видим, какое значение придаёт режиссёр при постановке спектакля декорациям и костюмам. Когда читаешь, сколько хлопот и мороки приходится пережить ради того, чтобы достать один чапан и пояс к нему, то ощущаешь, насколько тяжёлым было то время.

Когда Жумат оценивает пьесы, он не рассматривает содержание в отрыве от формы. Требования к идейной, социальной значимости и выразительности языка, художественности он ставит в один ряд. Отмечая в области театральной критики такой серьёзный недостаток, как тенденция к чрезмерному восхвалению постановок или, наоборот, к их огульному порицанию, он тем самым придаёт критике ведущую роль.

Первая большая по объёму вещь на казахском языке о европейском театральном искусстве – известная статья Мухтара Ауэзова за 1926 год. Опубликованные Жуматом в номерах журнала «Жаңа әдебиет» в 1931 году работы «Краткая история театра», «История театра» созвучны ей. Шанин подробно останавливается на истории зарождения театра. Им приведено множество фактов, высказаны толковые мнения. Вдумчиво рассматривая классовый характер искусства, он путём анализа объясняет своеобразие и особенности театра. Отдельно рассматривается жизнь и творчество великих греческих драматургов Эсхила, Софокла, Еврипида. Здесь мы видим историка, много знающего, исследователя, не оставляющего без внимания малейшие нюансы сценического искусства, умелого критика, склонного к эстетическому анализу.

Жумат не собирался быть профессиональным критиком и писать критические статьи. Вся его деятельность была направлена на ежедневную жизнь театра, постановку спектаклей, воспитание актёров. Но даже в написанных им на скорую руку по заказу газет и журналов статьях, пусть порой и поверхностно, он выносил на суд читателей сокровенные мысли о своём любимом деле. «Если в книге, лёгшей в основу постановки, нет содержания, то какие бы большие артисты, художники, режиссёры в ней ни участвовали, как бы красиво она ни была воплощена на сцене, ничего плодотворного из этого не выйдет», – высказал смелую мысль режиссёр, исходя из своего творческого опыта. Из рассмотренных 60 пьес, поставленных им в период с 1926 по 1930 годы, он выделил по содержанию лишь шесть. Он призывает драматургов поднимать темы, имеющие общественную, социальную значимость. Он чётко говорит о том, что большой школой для них стал бы перевод классических произведений («Еңбекші қазақ», 1930, 30 января).

В двадцатые-тридцатые годы быстрое развитие, как и другие жанры казахской литературы, получила театральная критика. К ней активно подключились не только писатели, критики, но и известные государственные деятели, представители различных профессий, да и сами артисты.

Театр никогда не оставался в стороне от внимания общественности. Великий учёный Каныш Сатпаев в статье «Национальный театр Казахстана» («Еңбекші қазақ», 1927, 24 января), давая высокую оценку творчеству Жумата, Амре, Исы Калыбека, выдвинул перед сценическим искусством высокие требования, считая, что: 1) театр – объективное зеркало жизни страны, народа; 2) театр – это «правилка» ответственности людей перед страной, их мастер-наставник; 3) театр – очаг культуры, искусства, отображающий казахские традиции и самосознание, его музыку и культуру.

Когда дела шли из рук вон плохо, когда люди перестали замечать то, что есть, Кадыр Тайшиков, очень честно отразив историческую миссию театра, писал: «В прошлом году труппа объездила Семиречье (Жетысу). И что, разве народ хором не похвалил её? Труппа побывала в Омске, Семипалатинске, Павлодаре. Разве публика не отозвалась о них похвально? Труппа выступала перед рабочими Аральска, Карсакпая. Пусть даже рабочие встретили её без восторга, но разве это означает, что они порицали? Побывала она в Ташкенте, Туркестане, Аулие-Ате. Разве они плохо встретили её? Или же тогда народ похвалил труппу нарочно? Или же то, что дал артистам тогда сам Бог, нынче вновь у них отнял? Нет, хвалили искренне. Все мы хвалили... Так что же стало причиной этого кризиса? Причиной этому, в первую очередь, стали сборники пьес – отсутствие хорошего репертуара, вот в чём суть» («Еңбекші қазақ», 1930, 5 января).

В статьях партийных и советских работников, таких как Хамза Жусипбеков, Измукан Курамысов, Жанайдар Садвакасов, Иса Токтыбаев, были подняты проблемы увеличения финансирования театров, обучения артистов в студиях, улучшения репертуара, освоения важных и актуальных тем. В эти годы публиковались материалы Калыбека, Елюбая, Абылкаира, затрагивавшие внутренние проблемы театра. Книга Габбаса Тогжанова и Ильяса Жансугурова, вышедшая в 1933 году, повествует о детской поре казахского театра, о произведениях, вошедших в репертуар, об особенностях каждого актёра. Часто публиковались социологические критические материалы. К сожалению, режиссёрское мастерство Жумата Шанина в статьях не обсуждалось, были общие рецензии, касающиеся спектаклей.

Большое значение в раскрытии собственных режиссёрских принципов имели статьи Жумата «Освоим технику сцены» («Лениншіл жас», 1935, 23 апреля) и «Познание правды на сцене» («Қазақ әдебиеті», 1935, 3 июля). В первой работе, говоря о том, что главная цель артиста – создание образа, он акцентирует внимание на особенностях языка героя, персонажа. Критикует казахские пьесы за то, что главные герои в них ничем не отличаются друг от друга. В качестве эталона приводит произведения Гоголя и Островского. До мельчайших нюансов разбирает и разъясняет монологи Шуги и Абиша, раскрывает подтексты не только каждого предложения, но каждого слова и фразы. Детально анализирует различные грани психологического состояния героев.

В статье «Познание правды на сцене» есть толковые, систематизированные мысли Жумата Шанина о режиссуре, актёрах, спектакле. Автор утверждает, что основная задача, стоящая перед искусством, показать правду жизни через

образ. Он раскрывает различие между методами натурализма, конструктивизма и реализма. «Если мы признаём в актёре мастеровитого художника, то должны дать ему полную свободу действий. Это мы и делаем. Потому что пьеса – спектакль – это целостное, единое художественное произведение, но если рассматривать в нём отдельную роль, которая хоть и является одним из кирпичиков в общей кладке, где всё тесно связано друг с другом, то она сама по себе уже является отдельным художественным произведением», – объясняет он таким образом природу художественного творчества. Судя по этой статье, Жумат Шанин глубоко усвоил новаторскую систему Станиславского и, похоже, смело применил её на сцене казахского театра. Он передаёт на казахском языке простыми доходчивыми словами, которые легко воспринимаются любым казахом, весьма сложные понятия. «Перед подготовкой к постановке пьеса расчленяется, как туша, на несколько крупных частей, которые разделяются потом на более мелкие, как кости и суставы. Таким образом, всё произведение автора разделяется и расчленяется на мелкие части, кишки и трубуха промываются, прочищаются. Художник выравнивает своим оформлением пьесу, находящуюся на руках у режиссёра, со всех сторон. И после этого театр, подготовив, вновь собирает расчленённые куски в единое целое и накидывает на пьесу свои покровы», – кратко и наглядно объясняет он этапы работы над спектаклем, и вы воочию представляете себе весь процесс.

Жумат не рассматривает актёра как слепого исполнителя требований режиссёра, вызубрившего назубок драматический материал. По его мнению, актёр – решающая фигура в создании образа. Перед ним стоит цель всесторонне изучить свою роль, использовать всё богатство движений и жестов, силу воображения, свободу вдохновения, добиться взаимодействия и сыгранности с партнёрами, подобрать нужные ритм и мелодику речи. Главная же цель – отдаться всей душой и сердцем образу героя, добиться такой степени перевоплощения, чтобы зритель ему поверил полностью.

Музыка в спектакле оценивается как художественный инструмент, выражающий идею спектакля языком мелодии и помогающий ярко и правдиво передать образ героя. В одной из рукописей Жумата, написанной на русском языке, мы встречаем такие слова: «И музыка, и сцены балета, и другие средства не должны подавлять главное действующее лицо на сцене – актёра. Напротив, всё: музыка, балет, декорации, костюм должны служить усилению драматического сюжета, действия»

У истоков современного театра оперы и балета стоял созданный Жуматом музыкальный театр. В своё время бытовало утверждение, что у казахов не было танцев и они вообще не танцевали. Давайте узнаем, что же на это ответил Жумат. «Если в обществе чего-то нет, то у него нет и названия. Доказательством тому, что казахи раньше танцевали и у них были свои танцы, может служить существование в нашем языке слова “би”». Но он не останавливается на этом. Он показывает также пути решения этой проблемы. И здесь художник проявил свою прозорливость. «В вопросах танцевального искусства мы вовсе не примитивны. Заимствовав во многом пластику восточных народов, мы можем использовать её темы применительно к пьесе и тем самым возродить свои танцы на основе национальных игр», – пишет он далее (Ж. Шанин. «Познание правды на сцене». «Қазақ әдебиеті», 1935, 3 июня). Танцы «Беркут и заяц», «Валяние

войлока», «Танец ткачих», «Шашу» – это первые казахские танцы, поставленные по замыслу Жумата.

Семья покойного Касымхана Шанина, чья жизнь, к сожалению, оборвалась так рано, поверив, оторвала от сердца и передала нам оберегаемые как зеницу ока на протяжении тридцати лет бесценные вещи, оставшиеся от его старшего брата. Среди материалов были: большая пьеса киргизского писателя, отредактированная Жуматом; пятый акт музыкальной драмы «Жалбыр»; программа первой декады казахской литературы и искусства в Москве; присланные в то же время на имя Жумата в Москву поздравительные радиogramмы; расписание репетиций музыкального театра; служебные документы для внутреннего пользования; предложения по решению проблем, связанных с созданием театра в Уральске; ноты и немало других документов. И ещё одна важная деталь: Жумат отдал Дмитрию Ковалёву на обработку и запись на ноты песни «Жеңеше», «Жаз болса», а Латифу Хамиди – абаевские «Көзімнің қарасы» и «Қараңғы түнде». В верхнем углу листка за подписью Латифа Хамиди написано: «Записано в декабре 1934 года от народного артиста Казахской ССР Жумата Шанина».

А вот факт, свидетельствующий ещё об одной грани таланта великого художника: Жумат сам записал на ноты песни «Қарагөз», «Бұрынғы қыздар әні», «Кейкі батыр», «Манас» (киргизская песня о Манасе), «Сарыарқа», «Екі жирен», «Гауһартас», «Көзіңнен айналайын» и другие подобного рода. Пьесы Жумата Шанина в двадцатые – тридцатые годы прочно заняли своё место в репертуаре казахских театров, издавались отдельными книгами, а его статьи о режиссёрских размышлениях часто публиковались на страницах периодической печати...

Перевод с казахского Р. Токбергенова.

